

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Руюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)interpretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры	591

Оксана Седых

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века

A Moment and Eternity as Antinomy:
P.A. Florenskii and Silver Age Culture

Abstract: In the doctrine of Russian Silver age philosopher Pavel Florenskii (1892-1937) the present moment is understood paradoxically as actual infinity antinomically combining the infinity of past and future. Time thus appears as an eternally actualized present which is a meeting of two counter-currents. One is directed from past to the future, the other one from future to the past. Within the Silver Age culture such vision of time finds a match in a number of philosophical and poetical contexts. Nicolai Fedorov's and Vladimir Solovyov's doctrines as well as the works of remarkable Silver age poets are among them. Osip Mandelstam's works are analyzed in this regard. The author also raises the question of significant layers in Russian culture's memory which could bring to life such a unique time model although it was presented by means of modern language.

Keywords: time, moment, eternity, antinomy, Silver Age

XX век отмечен появлением множества оригинальных трактовок и переосмыслений времени. Наиболее заметную тенденцию такого осмысления можно обозначить как „актуализм” (или, по формулировке современного французского философа Франсуа Артога, „презентизм”¹). Это попытка увидеть время как всегда актуализированное настоящее. Настоящее трактуется как актуализация прошедшего и даже будущего, с которыми оно связано нелинейными связями. Подобная тенденция дает о себе знать уже в начале

¹ Ф. Артог, *Порядок времени, режимы историчности*, „Неприкосновенный запас” 2008, № 3 (59), с. 128.

XX века и получает своеобразное преломление в русской культуре и мысли. Далее речь пойдет о трактовке времени, сложившейся в творчестве русского философа Серебряного века священника Павла Флоренского (1882-1937). Будет показано, что она находит соответствие в более широком контексте культуры Серебряного века. С одной стороны, это объяснимо обращением русских авторов к новейшим на тот период открытиям, позволившим переосмыслить феномен времени, таким, как теория относительности или философия Анри Бергсона. Однако, как представляется, суть этой тенденции невозможно понять, не имея в виду действие механизмов культурной памяти, содержание которой всегда уникально и актуализируется в периоды культурных пиков и расцветов. Таковым, в случае русской культуры, и был Серебряный век.

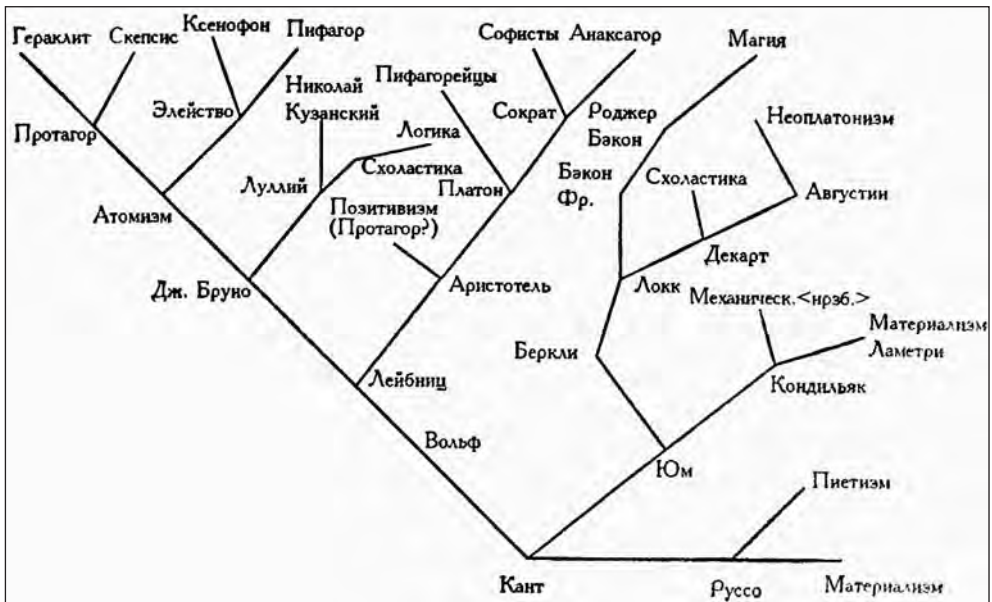
* * *

В учении П.А. Флоренского антиномию мига и вечности подразумевает антиномия символа, то есть феномена и ноумена. Момент времени как актуальность, как момент настоящего, – тоже своего рода символ, явление вечности в феноменальный мир. Важен вопрос, как мы, удел которых – феноменальный мир, воспринимаем подобную явленность. Ответ можно найти в ранней работе философа *Пределы гносеологии* (1913). Течение земного времени – это иллюзия, эффект, возникающий оттого, что мы меняем точку зрения на собственные акты познания (по сути, линейное время – та же иллюзия, что и восприятие пространства в перспективе; перспективизм как способ осмысления пространства был объектом непрестанной критики со стороны Флоренского). Актуально же нам дан лишь сам акт знания, то есть настоящее. Но это такое настоящее, такой акт знания, память которого содержит в себе бесконечности прошлого и будущего. Это можно представить как встречу двух временных потоков: один направлен от прошедшего к будущему, другой – от будущего к прошедшему. Бесконечности прошлого и будущего объединяются в каждом моменте настоящего и объединяются антиномически, неразрывно и неслиянно. Настоящее тогда можно понимать как разрыв, через который просвечивает вечность, так „вечность, – пишет Флоренский, – смотрит из глубины злобы дня”². Здесь перед нами – и обоснование символического миропонимания, и глубокая оправданность момента настоящего.

Такой подход к проблеме времени позволяет проследить сходную логику процессов разных сфер действительности – культурно-исторической,

² П.А. Флоренский, *Сочинения в 4 т.*, т. 2, Москва 1995, с. 60.

субъективно-духовной, объективно-космической (вспомним, Флоренский отстаивал принцип соответствия микро- и макрокосма). Любое явление в области исторической обусловлено всей глубиной исторического прошлого, равно как и будущего. Например, в каждом научном произведении „можно найти все предыдущие и все последующие, залегающие в нем, как свернутые листочки в древесной почке”³. В лекциях *Имя рода*, прочитанных в 1916-1917 гг. в Московской Духовной Академии и позже вошедших в цикл *У водоразделов мысли*, методом исторического познания философ объявляет генеалогию. Она подобна геологии, то есть позволяет объяснять настоящее, вскрывая создавшие его пласты прошлого. Флоренский специально занимался генеалогиями и, будучи математиком по образованию, разработал практические рекомендации к генеалогическим реконструкциям. Можно восстановить генеалогию конкретного лица, предка, потенциально – всего человечества в прошлом, то есть всех предков, всех отцов. Такое восстановление было бы памятованием о предках, их своеобразным воскрешением (здесь Флоренский предлагает свои ответы на вопросы, поставленные Николаем Федоровым). А далее следует нетривиальный ход: генеалогический метод применим не только к лицам, но и к познанию исторических явлений. Например, к истории идей.

³ Там же, с. 57.

Такова генеалогия кантианства⁴. Как видим, философское учение, подобно конкретному лицу, имеет отцовскую и материнскую линии: те или иные философские учения прошлого в большей (в случае отцовской линии) или меньшей (в случае материнской) степени обусловили то явление в истории идей, генеалогия которого мы пытаемся восстановить. Схема наглядно демонстрирует, что конкретный мыслитель вбирает в себя не только предшествующее, но и будущее развитие мысли. Можно даже, говорит Флоренский, применить этот метод к изучению себя – собственных идей, мыслей, сочинений, то есть применить к настоящему, понять, чем обусловлены мы сами, какая бесконечность в данный момент определяет нас. При этом связь прошлого, настоящего и будущего носит содержательный характер. Актуализацию получает не произвольный, но содержательно значимый для настоящего пласт прошедшего или будущего.

Более конкретное представление о том, как сопрягаются пласты культурной памяти, дает цикл историко-философских лекций П.А. Флоренского, читавшихся в 1908-1918 гг. в МДА. Одна из них носит название *Напластования эгейской культуры* (заслуживает внимания сам термин „напластования”). Автор возводит античную философию к крито-минойской эпохе, философскую мысль Ренессанса и Нового времени – к античности, современность же он считал возвращением к средневековым линиям культуры и мысли. Актуализация прошлого есть одновременно предвосхищение будущего: прошлое и будущее как бы „прорываются” в момент настоящего. Флоренский делает замечание о критской моде: моде свойственно возвращаться, забытые модные тенденции нередко актуализируются на последующих исторических этапах, и в начале XX века, когда была открыта минойская культура, прически и наряды женщин на критских фресках многим напомнили современниц (одна из первых фресок, найденных А. Эвансом, получила название „Парижанка”). Подобные процессы хорошо иллюстрирует образ из другой работы Флоренского – из книги *Мнимости в геометрии* (1922): это образ подземной реки, который философ использует для пояснения свойств поверхности, то есть в данном случае пространства, а не времени, однако его подход к толкованию этих категорий, позволяющий прояснить фундаментальные свойства строения действительности, имеет сходства:

кривая может уходить с лица поверхности вглубь ее толщи и тогда протекает на том или другом участке своего течения наподобие подземных рек, изображаемых на карте пунктиром, – чтобы затем найти себе выход наружу⁵.

⁴ Схема приводится по изданию: П.А. Флоренский, *Сочинения...*, т. 3 (1), с. 38.

⁵ П.А. Флоренский, *Мнимости в геометрии*, Москва 2001, с. 33-34.

Прошлое забывается, чтобы позже, будучи извлеченным из глубин памяти, „прорваться” в настоящее; так дедовское может проявиться во внуках, – говорится в *Имени рода*. Закономерности таких прорывов (не только из прошлого, но и из будущего) подчинены некоторым ритмам: с определенной периодичностью случаются расцветы, спады, припоминания и забвения. Порой разновременные пласты связывают совершенно неожиданные – вихреобразные – взаимодействия. Период культурного расцвета может оказаться многократно плодотворнее всего предшествующего именно потому, что был вызван актуализацией давно позабытой, подспудной тенденцией. Стоит отметить, что идеи, высказанные Флоренским, находят параллель в рамках тех стратегий изучения культурной и исторической памяти, которые складывались на протяжении всего XX века и составляют на сегодняшний день область *memory studies*⁶.

Сходные процессы, охватывающие область внутреннего, субъективного, духовного опыта рассматриваются в работе *Иконостас* (1922):

Да, жизнь нашей собственной души дает опорную точку для суждения об этой границе соприкосновения двух миров, ибо и в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом, и тем самым бывают времена – пусть короткие, пусть чрезвычайно стянутые, иногда даже до атома времени, – когда оба мира соприкасаются, и нами созерцается самое это прикосновение⁷.

Речь идет о сновидческой реальности, которая насыщена символами и, будучи реальностью духовного порядка, позволяет уяснить сам процесс символизации. Символизация происходит при встрече двух временных потоков, на границе двух миров – горнего и дольного. Один поток движется навстречу настоящему из будущего, или из горнего мира в дольный, „*против* движения времени бодрственного сознания”⁸. Другой – тот, который бодрственное сознание воспринимает как земное время, как движение времени от прошлого к будущему, – из дольного мира в горний. Духовным процессам соответствуют космические. В книге *Мнимости в геометрии*, интерпретируя космос *Божественной комедии* Данте в свете теории относительности и геометрии Римана, Флоренский предлагает физико-геометрическое обо-

⁶ Во французской мысли проблематика культурной памяти восходит к идеям А. Бергсона и развивается такими авторами, как М. Хальбвакс, П. Нора, Ф. Арто; в американской – к идеям А. Крёбера, получившим развитие в рамках направления *culture and personality*; среди русских авторов сходные идеи высказывались Ю.М. Лотманом, М.М. Бахтиным и др.

⁷ П.А. Флоренский, *Сочинения...*, т. 2, с. 419.

⁸ Там же, с. 426.

снование момента встречи временных противопотоков. Один из них, в пределах земной действительности, в области действительных параметров, движется в знакомом нам режиме, от причин к следствиям. Его встречает другой, движущийся из запредельной области мнимых параметров, в которой, соответственно, следствия движутся навстречу своим причинам и время обращено. Таким образом каждому моменту земного времени сопоставлена актуальная бесконечность запредельного мира; каждый такой момент сопряжен со своей подповерхностью, уводящей в неизмеримые глубины.

Модель времени, в основе которой лежит идея встречи двух бегущих навстречу друг другу временных потоков, применительно к философско-художественным контекстам Серебряного века рассматривается в ряде работ современного российского исследователя Виктора П. Троицкого⁹. Он предлагает охарактеризовать ее как Гераклитову энантиодромию (древнегреч. ἐνάντιος – противоположный, δρόμος – бег). Энантиодромия предполагает совмещение двух хорошо известных нам моделей времени – линейной и циклической. При этом особо выделенным в ней является момент настоящего, то есть точка встречи временных противопотоков как актуально данный момент времени. Исследователь рассматривает отдельные случаи обращения к этой модели в истории мысли, однако лишь в культуре Серебряного века такое обращение, по всей видимости, становится закономерным. Наиболее детально В.П. Троицкий анализирует творчество Вяч. Иванова, его поэму *Сон Меланпа* (1907), где

художник нарисовал два „разно-текущих”, или встречных, парно сопряженных потока причинности. Самая очевидная спецификация таких потоков причинности – время. Следовательно, в поэме Иванова мы находим изображение не одного, но двух противоположно направленных потоков времени¹⁰.

В поэме говорится, что вселенское целое – вечность – складывается из двух текущих навстречу друг другу потоков:

Так из грядущего Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антиройя Ройю встречает.

⁹ См. В.П. Троицкий, *Гераклитова „энантиодромия” в космологических образах Серебряного века*, [в:] *Античность и русская культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи*, отв. ред. Е.А. Тахо-Годи, Москва 2010, с. 120-127; В. Троицкий, *Об одной модели времени у Вяч. Иванова*, „Символ” 2008, № 53-54: „Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное”, с. 815-825.

¹⁰ В.П. Троицкий, *Гераклитова...*, с. 122.

Также, отмечает исследователь, идею энантиодромии передает ивановский концепт растерзанного и воссозданного Диониса. Можно было бы продолжить эту мысль, включив в тот же ряд иные концепты Серебряного века, содержащие в своей основе схему распада и собирания, нисхождения и восхождения.

* * *

Теперь, отталкиваясь от наблюдений В.П. Троицкого (а также стратегий *memory studies*, в русле которых разворачиваются построения П.А. Флоренского), перейдем к вопросу о содержании культурной памяти, которая актуализировала – средствами языка культуры начала XX века – столь оригинальную трактовку времени.

Размышляя над временными конструкциями *Иконостаса*, Борис А. Успенский замечает, что совмещение линейной и циклической моделей (иными словами, энантиодромия) подводит нас к христианскому пониманию времени¹¹. Оно рождается как синтез сознания космологического (циклического, мифологического, языческого) и исторического (иудеохристианского). Оно прописано в христианской догматике: Христос рождается от Бога отца „прежде всех век” и одновременно рождается в конкретный исторический момент. Неслучайно в раннехристианской мысли время осознается как загадка и парадокс¹². Со своей стороны П.А. Флоренский, рассуждая об антиномическом соединении в символе феномена и ноумена, подчеркивает, что формула такого соединения („неслиянно и нераздельно”) берется у наиболее Совершенного Символа, у самого Христа, то есть это формула боговоплощения¹³. Действительно, христианское время антиномично – каждый его момент способен принять вечность и раскрыться как вечность; христианское время содержательно – оно наполнено разрывами и устремлено в направлении к эсхатологически представляемому будущему; можно сказать, что русская религиозная философия начала XX века восстанавливает его права.

Черты энантиодромии присутствуют уже в построениях Владимира Соловьева: встреча двух противоположностей – условие осуществления Всеедин-

¹¹ См. Б.А. Успенский, *История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема)*, [в:] Павел Александрович Флоренский, Москва 2013, с. 218–226.

¹² В этом смысле рассуждения Флоренского о времени заслуживают сопоставления с размышлениями Августина в 11 книге *Исповеди*.

¹³ П.А. Флоренский, *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*, Москва 2000, с. 158.

ства, Богочеловечества, Вселенской теократии и софийного преображения мира, предполагающего не только движение мира навстречу Абсолюту, но и Бога навстречу миру. Посредством Софии мир преобразается именно в этой встрече (не потому ли “все видимое нами” – видимое в каждый момент настоящего – есть отблеск Незримого). Еще ранее черты этой модели были намечены в философии авторитетного для Соловьева философа Николая Федорова. Вяч. Иванов говорил о Федорове так:

Он движется из будущего в прошлое, и по мере его движения встают один за другим мертвецы из могилы, оттого и главная его идея – воскрешение отцов, он идет туда (в рай), откуда мы исходим¹⁴.

Прошлое человечества – всех отцов, весь их опыт, Федоров предлагает актуализировать как будущее, такое, для которого станет несущественным вопрос о различении временных модальностей. После Федорова в русской философии (как и после Бергсона в западноевропейской) отношения прошлого, настоящего и будущего перестают осмысляться в русле прежних линейных моделей. Дело воскрешения отцов, противостоящее мировому распаду, осуществимо лишь при условии встречных усилий Бога и человека. Тема воскрешения, восстановления, собирания человека, культуры и мира в единое целое при соучастии Бога и человека – важнейшая в русской религиозной философии. Можно предположить, что ее развитие связано с актуализацией восточнохристианской доктрины спасения, утверждающей содеяние (синергию, соработничество) Бога и человека в деле спасения.

Если же обращаться к специфике русской культурной памяти, стоит вспомнить о том толковании, какое в русской философской традиции получила восточнохристианская религиозная идея. Внимание русских философов, и прежде всего софиологов, нередко привлекала легенда о Крещении Руси. Сергей Н. Булгаков говорит о том впечатлении, которое испытали послы князя Владимира во время службы в храме Софии Константинопольской: „как правы они были, говоря, что не ведали они, где находятся, на небе или на земле: они и на самом деле были ни на небе и ни на земле, но *между*, в св. Софии”¹⁵. И в другом месте: „София-Премудрость Божия осеняет эту грешную и все же освященную землю. И пророческим символом этого осенения является древняя Ая-София в Византии, в куполе которой само Небо снис-

¹⁴ М.С. Альтман, *Разговоры с Вячеславом Ивановым*, Санкт-Петербург 1995, с. 83.

¹⁵ Цит. по: В.М. Зоберн, *Тихие обители. Рассказы о святынях*, [online:] www.iknigi.net/avtor-vladimir-zobern/146696-tihie-obiteli-rasskazy-o-svyatynyah-vladimir-zobern/read/page-6.html (30.10.2018).

ходит к земле”¹⁶. Действительно, внутри византийского храма человек, даже современный, переживает ощущение отрыва от земной действительности, перенесенности в нездешнее пространство. Современное искусствоведение объясняет подобные эффекты конструктивными особенностями византийского храма¹⁷, и остается лишь предполагать, какое воздействие пребывание внутри Святой Софии могло оказать на человека X века, посланника далекой языческой Руси. Однако русская интеллектуальная традиция в трактовке этой легенды делает акцент не только на ощущении движения от мира к Богу (приподнятости над землей, перенесенности в иное пространство), но и от Бога к миру¹⁸ (в словах Булгакова – „Небо нисходит к земле”). Показателен в этой связи комментарий Александра В. Михайлова к *Иконостасу* Флоренского:

Рассмотренная *отсюда*, икона есть *окно* в мир иной – окно, через которое и наше сознание иногда способно заглядывать *туда*. [...] Но о. Павлу Флоренскому столь же хорошо было известно и то, что иной мир заглядывает в наш. [...] люди, при известных, впрочем, встречающихся чрезвычайно редко, особо счастливых обстоятельствах, имеют возможность заглянуть в сам мир истины и через который мир иной, при наличии тоже особых обстоятельств, может заглядывать сюда, в человеческий мир¹⁹.

* * *

Очевидно, что энантиодромические построения можно проследить в более широком круге текстов Серебряного века. В этом отношении иллюстративно не только творчество поэтов-символистов, испытавших влияние Вл. Соловьева, таких как Вяч. Иванов или Андрей Белый, но и, например, футуриста Велимира Хлебникова. Сопоставление идей Хлебникова, Белого и Флоренского уже предпринималось (прежде всего, математических идей: все трое были математиками по образованию, среди прочего, особое толкование в их

¹⁶ С.Н. Булгаков, *Центральная проблема софиологии*, „Вестник русского студенческого христианского движения” 1971, № 3-4 (101-102), с. 108.

¹⁷ См. комментарий Владимира В. Бибикина: В.В. Бибин, *К византийской антропологии*, „Точки” 2001, № 3-4 (1), с. 21-40.

¹⁸ См. также: С.С. Аверинцев, *Крещение Руси и путь русской культуры*, [online:] www.russ.ru/pole/Kreschenie-Rusi-i-put-russkoj-kul-tury (30.10.2018).

¹⁹ А.В. Михайлов, О. Павел Флоренский как философ границы, [в:] Павел Александрович Флоренский, под ред. [и со вступ. ст.] А.Н. Паршина, О.М. Седых, Москва 2013, с. 113-120.

творчестве получили мнимые величины²⁰). Со своей стороны сходство между Хлебниковым и Вяч. Ивановым отмечал акмеист Осип Мандельштам, по его словам, их роднит «ощущение прошлого как будущего»²¹.

И наиболее пристального внимания в этой связи заслуживает творчество самого Осипа Мандельштама (1891-1938), у которого трактовка соотношения мига и вечности получает весьма последовательное развитие, и в первую очередь в текстах, где поэт обращается к осмыслению христианства, рассуждает о судьбе христианской идеи и христианского наследия. В статье *Скрябин и христианство* (1915-1919), которую биограф Мандельштама Ральф Дутли называет самым «христианским» текстом поэта²², читаем: «кристаллизировавшаяся вечность [...] вся в поперечном разрезе времени, в том разрезе времени, который знает только христианство [...] христианская вечность – это кантовская категория, рассеченная мечом серафима»²³. Эта статья писалась под впечатлением речи Флоренского на похоронах Александра Скрябина. Достоверно известно, что Мандельштам читал *Столи и утверждение Истины*²⁴. В круг его философского чтения, помимо *Творческой эволюции* Бергсона, входили сочинения русских философов – Чаадаева, Герцена, Леонтьева, Розанова, Соловьева, Флоренского. Впрочем, отношение поэта к времени было сугубо индивидуальным. Как указывает в своих воспоминаниях его супруга Надежда Мандельштам, он всегда думал о

соотношении текущего мгновения, запечатленного в поэзии, и будущего как на земле, так и в вечности [...]. Вечность он понимал как вечное „сейчас“, как Евхаристию [...]. Для Мандельштама текущее время, „сейчас“, – великий дар, от которого он не собирается отказываться, и даже вечность он познает через радость этого „сейчас“²⁵.

²⁰ См. Л. Силард, Андрей Белый и Флоренский (мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством), „Studia Slavica Hungarica“ 1987, № 33, с. 227-238; В.П. Кузьменко, Синхронное открытие физической сущности мнимости Великим Хлебниковым, Андреем Белым и Павлом Флоренским, [в:] *Материалы VIII Межд. Хлебниковских чтений*, ч. 1, Астрахань 2003, с. 180-188.

²¹ О.Э. Мандельштам, *Полное собрание поэзии и прозы в одном томе*, Москва 2017, с. 347.

²² Р. Дутли, „Век мой, зверь мой“. Осип Мандельштам. Биография, [online:] www.romanbook.ru/book/9767676/?page=1 (30.10.2018).

²³ О. Мандельштам, *Полное собрание ...*, с. 313.

²⁴ Идеи Флоренского и Мандельштама последовательно сопоставляются в статье хорватского исследователя Й. Ужаревича. По его мнению, непосредственное влияние Флоренского на Мандельштама можно видеть в развитии поэтом христианских тем. См. Й. Ужаревич, *Павел Флоренский и Осип Мандельштам*, [в:] *Постсимволизм как явление культуры*, Москва 1995, с. 35.

²⁵ Н.Я. Мандельштам, *Вторая книга*, Париж 1983, с. 340.

Крайне любопытно эссе Мандельштама *Разговор о Данте* (1933), предположительно испытывавшее влияние *Мнимостей в геометрии* Флоренского (мандельштамоведы допускают такую возможность²⁶). *Мнимости* были известны в литературной среде²⁷, кроме того, в 1933 году, работая над *Разговором о Данте* в Коктебеле, Мандельштам обсуждал свой текст с Андреем Белым, хорошо знавшим Флоренского. Текст *Разговора о Данте* полон парадоксальных суждений о времени, и хотя он является, скорее, размышлением поэта о поэте, некоторые мандельштамовские фразы звучат как прямые отсылки к тексту Флоренского. Скажем лишь о некоторых образах *Разговора о Данте*, где соотношение мига и вечности трактуется как кристаллизация, как „застывание” потоков прошлого и будущего в моменте настоящего. Подобно Флоренскому, Мандельштам прибегает к геологическим образам. Миг, таящий в себе вечность, воплощает образ камня, геологической породы. *Камень* – название первого сборника стихов поэта, это метафора культуры, имеющей, подобно камню, породе, свои напластования и противостоящей смерти, разрушению, хаосу:

Камень – импрессионистский дневник погоды, накопленный миллионами лихолетий; но он не только прошлое, он и будущее: в нем есть периодичность. Он алладинова лампа, пронцающая геологический сумрак будущих времен²⁸.

В *Разговоре о Данте* особо выделены те места *Комедии*, где в совместной беседе коротают вечность великие люди прошлого, то есть разновременные пласты культуры объединяются в едином моменте, который одновременно есть вечность – удел мертвых:

Избранный Дантом метод анахронистичен – и Гомер, выступающий со шпагой, волочащейся на боку, в сообществе Виргилия, Горация и Лукиана из тусклой тени приятных орфеевых хоров, где они вчетвером коротают бесслезную вечность в литературной беседе, – наилучший его выразитель²⁹.

²⁶ См. Л.Г. Панова, „Друг Данте Петрарки друг...”. Статья 1. Мандельштамовское освоение „Божественной комедии” и судьбы Данте, [в:] *Миры Осипа Мандельштама*, Пермь 2009, с. 75-116.

²⁷ С текстом *Мнимостей в геометрии* непосредственно были знакомы М. Волошин, М. Булгаков, Е. Замятин, М. Пришвин, М. Горький, Вс. Иванов. См. С.М. Половинкин, *Реальность 1920-ых-1930-ых годов и „Мнимости в геометрии” священника Павла Флоренского*, „Энтелехия” 2000, № 2, с. 67-77.

²⁸ О.Э. Мандельштам, *Полное собрание...*, с. 676.

²⁹ Там же.

Комментируя это место *Разговора о Данте*, Надежда Мандельштам вспоминает о Николае Федорове: „Совсем иначе осуществляют федоровское дело поэты – не буквальное воскрешение, а собеседование”³⁰, то есть умершие оживают через непрестанный диалог, который ведется в нашей памяти. При этом важнейшая установка *Разговора о Данте* – представить *Комедию* как „единый синхронистический акт”³¹, как кристаллизацию не только прошедшего – того, что исторически предшествует Данте, но и будущего – тех путей и средоточий, которыми мировая культура обогатится после него. Песни Данте, пишет Флоренский, – это „снаряды для уловления будущего”³², они требуют „комментария в Futurum”³³.

В период написания *Разговора о Данте* Мандельштамом создавался стихотворный цикл *Восьмистишия* (1933-1935), который содержит немало образов, заслуживающих рассмотрения. Комментируя строки 10-го *Восьмистишия*, Надежда Мандельштам указывает, что в нем рассматривается отношение „бесконечного и чувственно воспринимаемого пространства к умопостигаемой, но непредставимой вечности”³⁴. Речь идет о следующем образе:

Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.

Хотя модернистский текст открыт для множества толкований эти строки можно признать иллюстрацией к размышлениям П.А. Флоренского об антиномических отношениях, связующих миг и вечность.

Библиография

- Аверинцев С.С., *Крещение Руси и путь русской культуры*, [online:] www.russ.ru/pole/Kreschenie-Rusi-i-put-russkoj-kul-tury.
Альтман М.С., *Разговоры с Вячеславом Ивановым*, Санкт-Петербург 1995.
Артог Ф., *Порядок времени, режимы историчности*, „Неприкосновенный запас” 2008, № 3 (59).
Бибихин В.В., *К византийской антропологии*, „Точки” 2001, № 3-4 (1).
Булгаков С.Н., *Центральная проблема софиологии*, „Вестник русского студенческого христианского движения” 1971, № 101-102.

³⁰ Н.Я. Мандельштам, *Мое завещание и другие эссе*, Нью-Йорк 1982, с. 40.

³¹ О.Э. Мандельштам, *Полное собрание...*, с. 660.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Н.Я. Мандельштам, *Третья книга*, [online:] www.coollib.com/b/125261/read#t26 (30.10.2018).

- Дутли Р., *„Век мой, зверь мой”*. Осип Мандельштам. Биография, [online:] www.romanbook.ru/book/9767676/?page=1.
- Зоберн В.М., *Тихие обители. Рассказы о святынях*, [online:] www.iknigi.net/avtor-vladimir-zobern/146696-tihie-obiteli-rassказы-o-svyatynyah-vladimir-zobern/read/page-6.html.
- Кузьменко В.П., *Синхронное открытие физической сущности мнимости Велимиром Хлебниковым, Андреем Белым и Павлом Флоренским*, [в:] *Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. В 2-х частях. Ч. 1: VIII Международные Хлебниковские чтения 18-20 сентября 2003 г.: Научные доклады и сообщения*, редкол. Г.Г. Глинин, Г.Г. Исаев, Н.В. Максимова; сост. Н.В. Максимова, Астрахань 2003.
- Мандельштам Н.Я., *Вторая книга*, Париж 1983.
- Мандельштам Н.Я., *Мое завещание и другие эссе*, Нью-Йорк 1982.
- Мандельштам Н.Я., *Третья книга*, [online:] www.coollib.com/b/125261/read#t26.
- Мандельштам О.Э., *Полное собрание поэзии и прозы в одном томе*, Москва 2017.
- Михайлов А.В., *О. Павел Флоренский как философ границы*, [в:] *Павел Александрович Флоренский*, под ред. [и со вступ. ст.] А.Н. Паршина, О.М. Седых, Москва 2013.
- Панова Л.Г., *„Друг Данте и Петрарки друг...”*. Статья 1. Мандельштамовское освоение „Божественной комедии” и судьбы Данте, [в:] *Миры Осипа Мандельштама*, сост. и общ. ред. Н.А. Петровой, Пермь 2009.
- Половинкин С.М., *Реальность 1920-ых-1930-ых годов и „Мнимости в геометрии” священника Павла Флоренского*, „Энтелехия” 2000, № 2.
- Силард, Л. Андрей Белый и Флоренский (мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством), „Studia Slavica Hungarica” 1987, № 33.
- Троицкий В.П., *Гераклитова „энантиодромия” в космологических образах Серебряного века*, [в:] *Античность и русская культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи*, отв. ред. Е.А. Тахо-Годи, Москва 2010.
- Троицкий В.П., *Об одной модели времени у Вяч. Иванова*, „Символ” 2008, № 53-54: „Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное”.
- Ужаревич Й., *Павел Флоренский и Осип Мандельштам*, [в:] *Постсимволизм как явление культуры*, отв. ред. И.А. Есаулов, Москва 1995.
- Успенский Б.А., *История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема)*, [в:] *Павел Александрович Флоренский*, под ред. [и со вступ. ст.] А.Н. Паршина, О.М. Седых, Москва 2013.
- Флоренский П.А., *Мнимости в геометрии*, Москва 2001.
- Флоренский П.А., *Сочинения в 4 т.*, Москва 1995-1999.
- Флоренский П.А., *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*, Москва 2000.

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

